

5. Леонова, Т.А. Материальная культура Западной Европы в контексте истории повседневности Средневековья [Текст]. – Уфа: Вагант, 2008. – 320 с.
6. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста [Текст]// Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14 – 285.
7. Лотман, Ю.М. Текст как семиотическая проблема [Текст] // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. – Т.І Статьи по семиотике и топологии культуры – Таллин, “Александра”, 1992.- С.129-247.
8. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст]/ Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. Вступительная статья Н. С. Автономовой, СПб., А-сad, 1994. – 406 с.
9. Ястребицкая, А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике [Текст] /А.Л. Ястребицкая // Одиссей. 1991. – М.,1991. – С. 84-102.

Парамонова В.А.,

г. Волгоград

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЯН: ЕВРОПЕЕЦ?

АЗИАТ? АЗИОП? ИЛИ ЕВРАЗИЕЦ?

Конструирование российской национально-государственной идентичности одна из значимых задач России на современном этапе. Насущной потребностью как отдельного индивида, так и социума в целом является фиксация социальной целостности, т.к. потеря привычных ценностных ориентиров порождает «кризис идентичности». На рубеже столетий Россия очередной раз переживает кардинальные изменения, ставя тем самым вновь вопросы: «Кто мы? Что такое Россия?». Эти вопросы отнюдь не риторические, от ответа на них зависит направление движения страны и ее место в формирующемся глобальном мире.

И даже беглый взгляд на процесс формирования коллективной идентичности в России показывает, что интерес к данной проблематике проявляют не только отечественные ученые и политики, что объяснимо и оправдано, но и зарубежные [1; 3-5; 9; 13]. И именно интерес западных аналитиков к аспектам формирования цивилизационной идентичности у россиян показывает, что данный вопрос не является чисто научным, а обладает практической значимостью как для России, так и для Запада: во-первых, существует потребность научного осмысления провала большинства реформ в России; во-вторых, необходимость понимания роли общественных устремлений россиян на Запад или Восток в корректировке политики проводимой властью предрешающими.

Образ Европы в массовом сознании россиян не однозначен. Сформировались кардинально противоположные представления: западный путь развития привлекателен (западники) и этот путь России не подходит (почвенники). Точкой отсчета в дуализме цивилизационной (европейской/неевропейской) идентичности в России, несомненно, является петровская эпоха, когда было «прорублено окно» в Европу. Именно в этот исторический отрезок времени начинается для России поиск своего места в дихотомии «Восток – Запад». С этого периода начинает складываться «европейская» идентичность в России. И по замечанию Ф.М.Достоевского [см.: 1, с. 124] Европа становится для образованной части России вторым, а подчас и первым отечеством, поэтому нет ничего удивительного в том, что и большинство реформ в России, начиная с петровских времен, проводились под лозунгом «догнать и перегнать» Запад – как наиболее интенсивно развивающийся, в техническом плане, регион. Крушение Советского Союза и последовавший за этим демонтаж социалистической системы позволил либерально настроенной интеллигенции и бюрократии заговорить о «возвращении в Европу», что предполагало формирование европейской идентичности у россиян.

Однако последовавший вслед за этим кризис очередной раз поставил классические русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?». Следует отметить, что к провалу демократических реформ в России оказались не готовы как отечественные реформаторы, так и зарубежные эксперты, что обозначило потребность исследований в отнесении России к Востоку или Западу. Однако создается впечатление, что прямолинейность в данном вопросе не позволяет понять особенность самоидентификации россиян. Двойственность в самоидентификации получила отражение в поэтических строках А.Блока «Держали щит меж двух враждебных рас / Монголов и Европы!» [2]. Но именно промежуточное положение страны между Европой и Азией вызывает противостояние идеологов. Так, Х.Тиммерман полагал, что Россия сможет без проблем встроиться в рамки западной либерально-демократической модели, став «такой, как мы» [см: 1, с. 123-124]. Однако как показали дальнейшие события этого, тем более в кратчайшие сроки, не произошло, в отличие от других стран «шоковая терапия» на территории бывшего СССР пошла по иному сценарию. А ведь еще в XIX в. отечественные мыслители попытались определить причины провала большинства реформ в России. Основной причиной, с их точки зрения, являлось то, что российские реформаторы опирались на закон стандартного (линейного) развития истории, сформулированного в рамках теории евроцентризма, базирующегося на методах культурного релятивизма и этноцентризма. Причем оценка проводимых реформ и К.Н.Победоносцева и В.О.Ключевского далека от оптимизма: «Казалось бы, что современные преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту... А между тем в действительности этого не произошло. Вместо подъема мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение... Россия представляет какой-то хаос...» [10, с. 104-105] или «Реформа пронеслась над народом, как тяжелый ураган, всех напугавший и для всех оставшийся загадкой» [7, с. 215].

Противостояние идеологов (западников и почвенников) двух предполагаемых российских идентичностей: европейской и неевропейской, в конечном итоге приводит, по замечанию А.Герцена к тому, что одни «хотят насильственно раскрыть дверь будущему, другие насильственно не выпускают прошедшего... Их работа состоит в том, чтобы мешать друг другу, и вот те и другие стоят в болоте» [цит. по: 4]. В свою очередь И.В.Киреевский подчеркивал, что вопрос, «который из двух элементов - западный или русский - полезен теперь?» - неверно сформулирован, т.к. важно не то, «который из двух?...», а то «какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благотельно? Чего от взаимного их действия должны мы надеяться, или чего бояться?» [6].

Вопрос отношения с Европой должен зависеть, несомненно, от прагматических оценок, но нельзя скидывать со счетов и ценностные установки, тенденции и культурно-психологические мотивации обеих сторон. Исследования, проводимые на рубеже XX-XXI вв. показали, что процесс выработки цивилизационной идентичности в России прошел несколько этапов [1, с. 123]: на первом – после крушения Советского Союза, произошло своеобразное «движение в Европу». В этот период получает активное распространение идея о возможности безболезненного вхождения России в «общеевропейский дом». В это же время, как отмечают Ст.Уайт и А.МакАллистер [13, с. 43], происходит формирование хотя бы частичной «европейской» («я – европеец») самоидентификации у россиян. Однако этот этап был непродолжительным.

Следующий этап начинается с середины 90-х гг. XX в. до 1999 г. Это время изменения политической риторики. Если ранее акцент делался на «похожести» с Европой, то, по прошествии нескольких лет, значимым становится фактор самобытности. Уровень симпатии к Западу продолжает сохраняться, несмотря на изменение акцентов в политических текстах. Культура продолжает идентифицироваться как европейская, но подчеркивается наличие самобытных характеристик.

Началом третьего этапа (с 1999 г. по 2002 г.) можно считать начало бомбардировок НАТО суверенной Югославии, когда происходит существенная переоценка демократических установок Запада и определения в массовом сознании понятия «двойные стандарты». Происходит изменение отношения россиян к странам Запада. Данные исследований, приведенных С.Уайтом и А.МакАллистером [13, с. 43], показывают, что военные действия в Югославии подтолкнули россиян обратить внимание на страны СНГ и Азии. И при этом, анализ данных 2002 г. позволяет западным исследователям выявить отсутствие зависимости между: разочарованиями, вызванными военными действиями НАТО; проведением демократических реформ и русской культурной самоидентификацией, которая несмотря ни на что, продолжала оставаться европейской.

Следующий этап – (2002-2008 гг.) – это период некой неопределенности в самоидентификации россиян. Так, А.Л.Андреев [1, с. 127] отмечает, что если в начале этого этапа «движение в Европу» продолжает быть привлекательным для более половины (51,5%) опрошенных россиян, и это при наличии как внешних (военные действия на Балканах, Ираке), так и внутренних (провал экономических реформ в стране) причин. Однако появляется и значительная «группа» (35-36%), которая выступала против европейского выбора [1, с. 127]. На исходе данного периода, в 2007 г., ситуация существенным образом изменяется: количество противников «европейской перспективы» превысило число приверженцев на 10%, хотя количество «не определившихся» (около трети опрошенных россиян) по данному вопросу оказалась неизменной с 2002 г. [1, с. 127].

Точкой отсчета пятого этапа является пятидневная война на Кавказе (август 2008 г.). Именно в этот период происходит резкое изменение отношения россиян к странам, которые, пусть даже косвенным образом, оказались причастны к кровавым событиям на Кавказе. После августа 2008 г. рейтинг симпатий россиян к странам западного и не западного мира существенным образом изменился. А.Л.Андреев [1, с. 126-127] отмечает, что

до нападения грузинской армии на Южную Осетию и российских миротворцев, США, Франция, Великобритания, Германия находились на вершине рейтинга симпатий россиян, то после августа 2008 г. Великобритания и США оказались в самом низу списка, а Индия и Китай догнали Францию и Германию. И хотя через год ситуация вновь вошла в привычные рамки, но, как отмечает А.Л.Андреев [1, с. 126], количество россиян настороженно (нейтрально-негативно) относящихся к Западу увеличилось почти на 10%. События 2011 г. на африканском континенте получают эмоциональную окраску в комментариях пользователей Интернет, остро реагирующих на любые военные действия США, НАТО и стран ЕС против независимых государств и в обход постановлений ООН и нарушающих Декларацию прав человека. Все это в целом не способствует выработке европейской идентичности у россиян, даже проживающих по эту сторону Уральских гор.

Нельзя не согласиться с А.Л.Андреевым подчеркивающим, что начиная с середины 90-х гг. XX в. происходит неуклонный кризис европейской идентичности. Если в 2002 г. на аббревиатуру «ЕС» позитивно реагировало более половины (59%) опрошенных россиян, то за 7 лет произошло незначительное увеличение количества россиян (до 65%), воспринимающих Евросоюз положительно. За этот же временной промежуток произошли кардинальные изменения в отношении россиян к аббревиатуре «СНГ»: с 34% в 2002 г. до 72% в 2009 г. [1, с. 130-131].

Ст.Уайт и А.МакАллистер [13, с. 43-44] отмечают наличие тенденции к снижению чувства «европейства» у россиян, что вызвано, с их точки зрения, не только провалом реформ в стране, но и расширением границ Евросоюза. Так, если в 2000 г. более половины опрошенных россиян в какой-либо мере относили себя к европейцам, то через 6-8 лет более половины уже не считали себя европейцами [13, с. 43]. Западноевропейские ученые отмечают, что при выборе «европейства» россиянами в качестве основной или вторичной идентичности в период с 2000 по 2008 гг. явно прослеживаются изменения в

сторону уменьшения: в 2000 г. «европейскую идентичность» часто или хотя бы иногда выбирало 18% и 34% (соответственно) россиян, в 2005 г. – это соотношение составило 7% к 18%, то в 2008 г. – 8% к 19% [13, с. 44]. В целом прослеживается явная тенденция к снижению идентичности «я – европеец», хотя нельзя отрицать и наличие несущественного роста в период с 2005 г. по 2008 г. Следует обратить внимание на тот факт, что значительная часть опрошенных россиян никогда не идентифицировали себя с европейцами [13, с. 44]: в 2000 г. – это было 47%, в 2005 г. – 68%, то в 2008 г. – 63%. Как показали зарубежные исследования [13, с. 44] в России чувство гражданства выражено значительно сильнее, чем принадлежности к Европе, причем, это характерно не только для территории зауралья, но и для центрально-европейских регионов. В качестве основной и вторичной идентичностей опрошенные россияне выбрали следующие: «гражданин своей страны» и «житель своего поселения» (в 2005 г. это соотношение было 76% и 69% (соответственно); а в 2008 г. оно составило 70% к 64%). Из шести предложенных идентичностей россияне определили свою принадлежность следующим образом (по нисходящей) [13, с. 44]: гражданин своей страны, житель своего поселения, житель своего региона, советская, европейская, евразийская. Ст.Уайт и А.МакАллистер [13, с. 44-45] подчеркивают, основываясь на данных «Евробарометра», что для стран входящих в состав Евросоюза европейская идентичность выражена достаточно сильно, чем у стран имеющих перспективы вхождения в данное объединение. Так, в среднем около половины опрошенных европейцев (55%), чьи страны уже участницы ЕС, основной или вторичной идентичностью является именно европейская, хотя эта цифра несколько меньше в Болгарии – 47% (стала членом ЕС в 2007 г.), Чешской Республике – около 49% и Соединенном Королевстве – 32%. При этом, в странах, не являющихся членами ЕС, а имеющих лишь перспективы вхождения в данную организацию цифры достаточно высоки: в Турции – 29%, а в Хорватии – 64%. Аналогичные показатели первичной или вторичной идентичности «я – европеец»

совершенно низки на Украине, Белоруссии и России: 5%, 8% и 11% соответственно [13, с. 45]. Хотя, пожалуй, из этих трех стран возможности вхождения в ЕС предпочтительнее только у Украины, для Белоруссии «шлагбаум» закрыт, в связи с руководством А.Лукашенко, а для России сам факт вхождения в подобное объединение затруднителен, т.к. значительная составляющая страны относится именно к Азии, а не к Европе. К тому же подобный шаг чреват развалом России как минимум на две составные части: европейскую и азиатскую. Не следует забывать, что, несмотря на то, что русская аристократия и значительная часть интеллигенции были ориентированы на Запад, в России было значительное количество этносов социокультурное пространство которых, формировалось в рамках восточной, а точнее азиатской цивилизации, несмотря на значительную «русификацию».

Таким образом, данные различных исследований, проведенных как отечественными, так и зарубежными исследователями, свидетельствуют о наличии кризиса европейской идентичности в России. Несомненно, это было вызвано совокупностью факторов как внутреннего, так и внешнего характера: провалом либерально-демократических реформ в стране; прививкой «демократии» странами НАТО на Балканах, Ираке, а в 2011 г. и в Ливии; применение двойных стандартов при освещении террористических актов в странах Запада и России; крепнувшим убеждением россиян в том, что в отношении России у европейцев чисто эгоистические мотивы. К тому же, как подчеркивает А.Л.Андреев [1, с. 130-131], обаяние «старушки Европы» не выдерживает натиска азиатского региона в лице Индии, Китая и союзников по ОДКБ.

Данные исследований показывают, что на рубеже XX-XXI вв. происходит не изменение образа Европы в представлении россиян, а просто изменение приоритетов: с европейской на неевропейскую идентичность. К 2010 г. происходит постепенное формирование в обществе представления о том, что Россия – это своеобразная цивилизация, не похожая на западную, но и не являющаяся чисто восточной. Причем, по свидетельству АЛ.Андреева

[1, с. 132] если эту позицию разделяют чуть менее половины (40%) жителей городов России, то в столицах этой точки придерживаются около 50% опрошенных.

Неевропейская идентификация оценивается как бы с двух разных позиций. С одной стороны – вызывает резкую критику со стороны «западников», и это понятно – все, что не вписывается в рамки западной цивилизации, объявляется варварством, даже без попыток выяснения элементов, не позволяющих движение вперед по предложенной схеме. К тому же россияне не признают за Европой духовного превосходства в сфере культуры. С другой, по данным Фонда «Общественное мнение» [8] – «особый путь» России предстает как вынужденный (компенсаторный) вариант антимодернистского пути развития, вызванного неудачами реформирования: «Мы – азиопы...»; «У их (стран Запада) – совсем другой уровень. Они живут хорошо, они даже могут позволить себе быть демократичными. Ведь демократия – она вырастает сама собой, ее не установишь законом никогда». Подтверждением наличия «азиатской» идентичности у россиян аргументируется русской классикой [2]: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,/», тем самым подчеркивая несхожесть России и Европы. Однако из этого не следует, что Россия ближе к Востоку, несмотря на наличие схожих элементов в сфере экономики, выявленных Р.М.-А.Гусейновым [3]. Однако нельзя не отметить, что например, Ф.Тютчев акцентирует внимание на рассмотрении России как самобытной цивилизации, которую «аршином общим не измерить» [12]. Следовательно, Россия должна рассматриваться не как отсталая, а как не западная, но и не восточная, а иная – евроазиатская.

Начиная с середины 90-х гг. XX в. происходило постепенное осознание российским руководством, что ориентация только на западную цивилизацию не оправдывает себя, что и было озвучено В.В.Путиным в 2000 г.: «Россия всегда ощущала себя евразийской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо

честно сказать, не всегда использовали это преимущество» [11]. Следует отметить, что европейская/неевропейская идентичность не является единственно возможной для России, каждый раз в кризисных ситуациях напоминающая былинного богатыря на распутье, где на камне обозначено не два, а три пути, остается только сделать правильный выбор.

Литература

1. Андреев А.Л. Место России в мире: Европа или Евразия? / А.Л.Андреев // Мониторинг общественного мнения. – 2010. - № 1. – С. 122-134.
2. Блок А. Скифы. [Электронный ресурс] / А.Блок. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_0030.shtml. - 2013. - 2 февраля. – Заглавие с экрана.
3. Гусейнов Р.М.-А. Восток – дело тонкое (заметки об экономике России в контексте глобального разрыва «Восток – Запад») / Р.М-А.Гусейнов // Философия хозяйств. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – 2006. - № 2. – С. 102-129.
4. Кара-Мурза А. Дуализм российской идентичности: цивилизационное западничество versus геополитическое евразийство [Электронный ресурс] / А.Кара-Мурза – Режим доступа: http://old.russ.ru/journal/politics/98-10-26/k_murz.htm. - 2013. - 23 января. – Заглавие с экрана.
5. Караз-Мурза, С.Г. Россия и Запад: Парадигмы цивилизаций. / С.Г.Кара-Мурза. – Москва : Академический Проект; Культура. – 2011. – 232 с.
6. Киреевский И.В. Ответ А.С.Хомякову [Электронный ресурс] / И.В.Киреевский – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kireewskij_i_w/text_0080.shtml. - 2013. - 23 января. – Заглавие с экрана.
7. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. / Под ред. В.Л.Янина – Москва : Наука, 1989. - Т. 4. - 398 с.

8. Место России в мире. – Отчет. Опрос населения. 15.11.2001. – Фонд «Общественное мнение». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/dd014334/printable/>. - 2013. - 20 января. – Заглавие с экрана.
9. Парамонова В.А. Россия – это Запад? Восток? Или...? / В.А.Парамонова // Россия и Восток: проблема толерантности в диалоге цивилизаций: материалы IV Международной научной конференции (Астрахань, 3-5 мая 2007 г.) в 2 ч. / Отв. И.Л.Карабушенко, Л.В.Баева. – Астрахань : Изд-ий дом «Астраханский университет», 2007. – Ч. 2. – С. 254-258
10. Победоносцев К.Н. и его корреспонденты: Письма и записки./ с предисл. М.Н.Покровского. – Москва - Петроград. : Гос. изд., 1923. - Т. 1. - п/т. 1. - 439 с.
11. Путин В.В. Россия: новые восточные перспективы / В.В.Путин // Независимая газета. - 2000. - 14 ноября.
12. Тютчев Ф. Умом Россию не понять [Электронный ресурс] / Ф.Тютчев. – Режим доступа: <http://stixi-poet.ru/tiutchev-f/umom-rossiiu-ne-ponyat-tiutchev-f>. - 2013. - 20 января. – Заглавие с экрана.
13. Уайт Ст. Белоруссия, Украина и Россия: Восток или Запад? / Ст.Уайт, А.МакАллистер // Мир России. – 2008. - № 4. – С. 37-59

Пермякова Т.В.,
Аржанникова Н.А.,
г. Екатеринбург

МУЖСКИЕ ГЛЯНЦЕВЫЕ ЖУРНАЛЫ КАК СРЕДСТВО ПРЕЗЕНТАЦИИ ТИПОВ МАСКУЛИННОСТИ*

Важную роль в формировании гендерных представлений, отношений и стереотипов в современном обществе играют СМИ. Все большую популярность у россиян приобретают т.н. гляцевые журналы, отражающие